

СЪЮЗЕН СТОКС-ЧЕПМЕН

ПАНДОРА

INSPIRIA
МОСКВА
2022

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
С81

Susan Stokes-Chapman

PANDORA

Copyright © 2022

Retter Enterprises Ltd. All rights reserved.

Перевод с английского *Олега Алякринского*

Художественное оформление *Константина Гусарева*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Lina Keil / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

В коллаже на суперобложке использованы иллюстрации:

© Potarov Alexander, Sur, ONYXprj, Viktorya170377 / Shutterstock.com;

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Mitya Korolkov / Shutterstock.com;

В оформлении форзаца использована иллюстрация:

© Happy Art / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Стокс-Чепмен, Сьюзен.

С81 Пандора / Сьюзен Стокс-Чепмен ; [перевод с английского О. Алякринского]. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-165492-4

Лондон, 1799 год. Дора Блейк, начинающая художница-ювелир, живет со своей ручной сорокой в лавке древностей. Ныне место принадлежит ее дяде и находится в упадке, но в былые времена магазинчик родителей Доры был очень известным благодаря широкому ассортименту подлинных произведений искусства. Появление пифоса — загадочной древнегреческой вазы — и скрываемые им секреты меняют жизнь девушки: она видит шанс вернуть магазин и избавиться от гнета дяди. Однако заинтересованных в пифосе оказывается слишком много: кто-то благодаря ему может проложить дорогу в академическое будущее, другой — потешить самолюбие, а третий — сполна удовлетворить жажду денег. Что за тайны скрывает древняя находка и какой ключ способен их открыть?

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-165492-4

Посвящается Дж.

*Безумца грешного, кто дерзко вышел в море,
Ждет хлябь разверстая небес, а вскоре
Страх и мученья адovy на океанском дне –
И гибель скорая в коварной западне.*

*Сэмюэл Гарт. Посвящение Ричарду,
графу Берлингтонскому, на издании
перевода «Искусства любви» Овидия*

*Остров Самсон, архипелаг Силли
декабрь 1798 года*

Он упустил из внимания тяжесть. Холод — предвидел, подвижную плотность воды тоже принял в расчет. Темнота? Фонарь светит довольно ярко, и, если он не сможет что-то разглядеть сквозь толщу воды, выручит память. Но вот тяжесть... Это было нечто непредвиденное.

С фонарем можно справиться: он привязан к его запястью толстой веревкой, так что обе руки остаются свободными. Правда, фонарь тяжелый и неудобно оттягивает руку, а соленая вода жжет кожу, натертую веревкой. Две веревки, петлями продетые под мышки — одна для поднятия груза, другая для его собственного подъема, — создают неудобство, но помогают телу сохранять равновесие, покуда он спускается. Утапливаемые противовесы при всей их громоздкости тоже не создают больших помех.

Основное неудобство — от наголовника, сделанного из прочной оловянной пластины. Это выпуклое вместилище воздуха соединено с защитным кожаным костюмом, плотно стягивающим торс беспощадным корсетом. На палубе, когда он надел эти доспехи, они не казались настолько тяжелыми. Но под водой тесный костюм стал похож на скелет, стянутый железными обручами, которые больно защемляют кожу. А еще — давление воды и ледяное зимнее течение... Он потребует доплаты, как только работа будет выполнена.

Этой ночью ему пока что везло. Чернильная колыбель неба усеяна звездами, луна полная, круглобокая. Во время шторма он внимательно изучил окрестности — корабль наконец угнезвился на отмели меж двух небольших островков, разделенных проливом, и эти клочки суши были испещрены руинами каменных построек. Руины белели в лунном свете, служа маяком для их утлого парусника, и, несмотря на декабрьские шквалы, над волнами явственно виднелся концевой бимс правого борта. Так что найти затонувший корабль оказалось совсем нетрудно.

Но почему же у него такое ощущение, будто его сюда направила некая незримая сила?

К счастью, затонувший корабль сел на мель. Раньше он ни разу не пользовался этой штуковиной и не рискнет опускаться глубже, чем нужно. Не больше чем на двадцать футов¹. Это не опасно, уговаривает он сам себя. К тому же он точно знает, где искать. Согласно подробной инструкции, нужный предмет был надежно спрятан в правом крамболе², отдельно от прочих ящиков, тесно составленных в грузовом отсеке. Вот только во время шторма корабль раскололся, и теперь он надеется, что удача его не подведет — что нужный ему ящик не протащило слишком далеко по морскому дну и что никому еще не удалось им завладеть.

Ледяная вода вонзает в руки и ноги холодные иглы. Облаченный в тяжелый костюм, как в кокон, он опускается все ниже и ниже, с усилием дыша и ощущая едкий привкус металла во рту. Воздушные трубки, идущие от наголовника к поверхности воды, очень длинные, и он представляет, как они тянутся за ним, точно веревка висельника. Он держит фонарь перед собой и, глядя сквозь смотровое оконце куполообразного наголовника, с облегчением видит внизу темный абрис корабельного каркаса. И он опускается туда, щурясь в морской мрак. Ему чудится, что откуда-то снизу доносится крик, тихий и жалобный. Он склоняет голову, наостряет слух и продолжает спускаться в пучину.

Его ноги упираются во что-то твердое. Под подошвами скользит песок. Он опускает голову и пытается взглянуть вниз. Очень осторожно. Его предупреждали, что, если сделать резкое движение, вода может просочиться в наголовник. Медленно, да, очень медленно. Ну вот. Угол какого-то предмета. Оттолкнувшись пяткой, он чуть всплывает и попадает обратно в течение. Потом снова опускается, нащупывает ногами дно и поднимает фонарь к глазам. В шести футах, или около того, от обломков корабля он различает темные углы ящика. Кровь гулко стучит в висках. Он уверен: это то самое! Медленно продвигается вперед, ставит перед собой одну ступню, потом другую, неторопливо перемещая ноги в толще воды. Когда что-то чиркает его по голени, он подпрыгивает и, опустив фонарь, видит, как пучок водорослей танцует вокруг его икр.

Ящик опасно балансирует на большом камне. Он подбирается к нему поближе и вновь поднимает фонарь. Даже в кромешной морской тьме он отчетливо видит крест, намалеванный им на стенке ящика перед отправкой из Палермо. В это мгновение его охватывает радость от того, с какой легкостью ему удалось все повернуть, но потом фонарь вдруг

---

¹ 20 футов приблизительно соответствуют 6,9 м. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)

² Крамбол — небольшой кран для ручного подъема якорей на судно.

ПАНДОРА

мигает, вспыхивает в последний раз, гаснет, и он понимает, что мешкать больше нельзя.

Развязав веревку на запястье, он ставит фонарь между двух обломков затонувшего корабля так, чтобы его не перевернуло течение, потом снимает веревочную петлю с одной подмышки и начинает трудоемкую работу по обвязыванию ящика этой самой веревкой. Ему следует действовать предельно осторожно — совершить оплошность нельзя! — и этот камень для него как благословение свыше, потому как не будь этого камня, ему бы пришлось предпринимать усилия по подъему ящика со дна морского. Покуда он трудится, вокруг него мечутся крохотные рыбки. В какой-то момент он останавливается и напрягает слух, пытаясь что-то расслышать через оловянные пластины наголовника. Это пение? Нет, скорее, стенания моря. Разве ему не говорили, что если провести под водой чересчур долго, то последствия могут быть фатальными?

Но почему все происходит так быстро?

Он спешит, работает так быстро, как только может, преодолевая тяжесть наголовника, стесняющего движения. Четыре раза обвязывает веревку вокруг ящика и, хотя его пальцы скованы холодом, завязывает такой тугой узел, что эту веревку потом придется разрезать ножом. Закончив с узлом, он резко дергает за веревку — раз, другой, — посылая сигнал наверх. Длинная веревка дергается, ослабевает и снова натягивается. Затем он, торжествуя, провожает взглядом ящик, который поднимается на веревке, вздымая тучи песка. Он слышит приглушенный стон дерева, медленный всплеск потревоженных вод и чуть слышный — такой тихий, что он подумал, будто это ему почудилось, — женский шепот или вздох.

Лондон
январь 1799 года

ЧАСТЬ I

В самом себе живет бессмертный дух,
Внутри себя создать из ада небо
Способен он, и небо — сделать адом¹.

Джон Мильтон.
Потерянный рай (1667)

---

¹ Перевод О. Чюминой.

ГЛАВА 1

Дора Блейк горбится за своим рабочим столом с самого рассвета. Табурет, на котором она сидит, слишком высокий, но она к этому уже привыкла. Время от времени она откладывает миниатюрные шипчики, снимает очки и щиплет себе переносицу. А еще — разминает затекшую шею, распрямляет спину и потягивается, пока позвоночник не издаст приятный щелчок.

Сквозь выходящее на север оконце ее чердачной комнатухи проникает скудный свет. Для работы над филигранным узором Дора была вынуждена передвинуть свой стол и высокий табурет прямо под это оконце, потому что одинокая свеча не дает достаточно света. Дора неловко ерзает на жестком сиденье, надевает очки и вновь принимается за работу, стараясь не обращать внимания на холод. Оконце широко распахнуто, несмотря на зябкий новогодний воздух. В любой момент Гермес может вернуться с новым сокровищем, которое увенчает последнее творение Доры, и она уже открыла дверцы его клетки. Остатки украденного завтрака рассыпаны под жердочкой — награда за успешную, как она надеется, утреннюю охоту.

Она прикусывает нижнюю губу, вздыхает и вновь берется за шипчики.

Попытаться изготовить тончайшую канитель¹ было слишком амбициозным намерением, но Дора в любом случае — оптимист. Кто-то может назвать этот ее оптимизм обычным своенравием, но она считает свою амбициозность оправданной. Дора знает — знает! — что у нее талант. И она не сомневается: настанет день, когда все это признают и ее украшения будут носить весь город. А возможно, думает Дора — уголок ее рта опускается, когда она ставит на нужное место совсем крошечную проволочку, — и вся Европа. Но потом она качает головой, отгоняет свои возвышенные мечты и, оторвав взгляд от изъеденных древесными

---

¹ Тонкая витая золотая нить, используемая в вышивке и ювелирном деле. (Здесь и далее примечания переводчика.)

жучками потолочных балок, старается сосредоточиться. Отвлекаться нельзя — иначе долгие часы кропотливой работы над этим плетением пойдут насмарку.

Дора отрезает еще один кусочек от мотка проволоки, висящего на вбитом в стену гвозде.

Красота золотой нити в том, что она имитирует тончайшее кружево. Дора видела парюры¹, выставленные у Ранделла и Бриджа², и они буквально заорожили ее своими замысловатыми ажурными орнаментами: колье, серьги, браслет, брошь и тиара явно изготавливались на протяжении многих месяцев. Поначалу Дора подумывала, не создать ли в таком же стиле пару серег по сделанному ею эскизу, но затем скрепя сердце сочла, что лучше с пользой потратить время на нечто иное. Это колье в конце концов лишь образец, лишь способ продемонстрировать свои умения.

— Ну вот! — восклицает она, откусывая тонкими щипчиками лишнюю часть проволоки. Застежка беспокоила ее все утро, потому как ее изготовление оказалось жутко трудоемким, но теперь, когда работа закончена, можно сказать, что дело стоило и пробуждения сегодня ни свет ни заря, и одеревеневшей спины, и занемевших ягодич. Она кладет щипчики, дует на ладони и энергично их потирает, и тут от соседских крыш к оконцу комнатухи с глухим клекотом подлетает пушистый черно-белый вихрь.

Дора выпрямляет спину и улыбается.

— Доброе утро, друг сердечный!

В оконце впархивает сорока и мягко садится на кровать. На шее у птицы болтается сшитый Дорой маленький кожаный мешочек. Гермес склоняет шею под тяжестью груза в мешочке.

Он что-то нашел.

— Иди-ка сюда, — говорит Дора и плотно затворяет оконце, оставляя снаружи зимнюю стужу. — Покажи, что ты раздобыл.

Гермес тихо стрекочет и опускает голову. Шнурок мешочка соскальзывает с шеи на клюв, и птица, тараторя что-то свое, скидывает поклажу. Мешочек со стуком падает, Дора хватает его и взволнованно вытряхивает содержимое на потертое покрывало.

Осколок керамической чашки, металлическая бусина, стальная булавка. Все это может пригодиться; Гермес никогда ее не разочаровывает. Но тут внимание Доры привлекает другой предмет, выпавший на кровать. Она поднимает его и подносит к свету.

---

¹ Парюра — набор ювелирных украшений, ювелирный гарнитур.

² Имеется в виду ювелирный магазин в Лондоне того времени, где продавались изделия знаменитых английских ювелиров Филипа Ранделла (1746—1827) и Джона Бриджа (1755—1834).

— Ach pai¹, — шепчет Дора. — Да, Гермес. Великолепно!

Она зажимает между пальцев плоский стеклянный овал размером с куриное яйцо. На фоне серого моря городских крыш он сияет бледным пятном с молочно-голубым отливом. Для филиграни лучше всех драгоценных камней подходит аметист — сочный пурпурный цвет ярко сверкает на желтом фоне, подчеркивая интенсивный оттенок золота. Но Дора обожает аквамарин. Он напоминает ей средиземноморское небо, теплый воздух ее детства. Этот гладкий кусочек стекла подойдет идеально. Она зажимает его в ладони и чувствует, как мягкая поверхность холодит кожу. Дора протягивает руку к птице. Моргнув черным глазом, сорока вспархивает на ее кулак.

— Полагаю, это заслуживает сытного завтрака, как считаешь?

Дора относит Гермеса в клетку. Птица водит клювом по деревянному полу, подбирая крошки хлеба, которые хозяйка рассыпала там загодя. Она нежно гладит шелковистые перья, любясь их радужным отливом.

— Ну вот, сокровище мое, — мурлычет она. — Ты, должно быть, устал. Так-то лучше?

Поглощенный процессом еды, Гермес не обращает на нее внимания, и Дора возвращается за рабочий стол. Она смотрит на колье, оценивая свою работу.

И, надо признаться, она не удовлетворена. Узор, так красиво смотревшийся на бумаге, в реальности выглядит не слишком впечатляюще. То, что задумывалось как плетение из витого золота, оказывается всего лишь унылыми серыми проволочками, закрученными в миниатюрные петельки. То, что должно быть сияющими жемчужными песчинками, — всего лишь грубо обтесанные осколки битого фарфора.

Но Дора и не надеялась, что ее изделие в точности совпадет с карандашным эскизом. У нее нет нужных инструментов и материалов, да и соответствующей практики тоже нет. Но ведь это всего лишь начало — доказательство того, что ее работе присуща красота, ведь даже сделанные из простых материалов, ее украшения отличаются изяществом. Дора не удовлетворена, но все-таки рада. Она надеется, что у нее все получится. А как же иначе — с таким изумительным овальным камешком в центре!

Раздается стук и приглушенный звон дверного колокольчика.

— Дора!

Голос, прозвучавший тремя этажами ниже, резкий, отрывистый, нетерпеливый. Гермес беспокойно свиритит в своей клетке.

— Дора! — снова лает голос. — Спускайся и займись лавкой! У меня срочное дело в доках.

¹ О да! (зреч.)